АБЪЕКЦИЯ



Ни одно чувство не снимает вины

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Александра Князь
Абъекция

https://litres.ru/74964188
SelfPub; 2026

Аннотация

Абъекция — состояние, в котором граница между притяжением и отторжением становится неразличимой. Столкновение с тем, что одновременно кажется частью тебя и чем-то чуждым, от чего хочется избавиться, но невозможно отвергнуть.

Это история не о чуде и спасении в любви, а о двух людях, для которых близость друг к другу становится и величайшей ценностью, и самым опасным испытанием.

Александра Князь
Абъекция

Пролог

Не всякое зло нуждается в оправдании. Не всякая любовь становится спасением.

В мире, где верность измеряется ценой предательства, а власть принадлежит тому, кто не боится запачкать руки, даже самые личные чувства могут стать оружием.

У каждого есть своя правда. И почти у каждого есть причина лгать.

Пролог

Я бросился туда сломя голову, чтобы уничтожить того, кем я был.

Метель стирала горизонт, сливая небо с землей в сплошную белизну. Среди нее темнели две фигуры. Черный джип с распахнутыми дверьми стоял неподалеку, надрывно рыча двигателем. Его фары резали снежную пелену, выхватывая из нее то чужой силуэт, то пустоту. Еще несколько минут, и машина превратится в груду искореженного металла. Кристиан почти физически ощущал, как вместе с ней рассып-

лется все, что еще удерживало его на прежнем месте.

Она смотрела вниз. Слезы, застывшие на ресницах, делали ее темно-карие глаза непривычно тяжелыми. Ветер забирался под одежду, впивался в кожу, спутывал светлые волосы, бросая их ей в лицо. Она не убирала их. Только дрожала, и он не мог понять, от холода ли.

— Последние слова? — она подняла глаза. На мгновение ему показалось, что сейчас что-то изменится, что она скажет хотя бы одну вещь, после которой он уже не сможет сделать того, за чем приехал.

— Последние, — повторил он грубее, — Слова.

Три минуты.

Он снял пистолет с предохранителя. Металлический щелчок вышел коротким, сухим и почти неприлично громким среди бескрайней тишины. Дуло коснулось ее лба, а она по-прежнему стояла на коленях. Снег успел осесть на ее плечах, ресницах, в складках одежды.

Его рука оставалась неподвижной. Ни дрожи, ни колебания. Только взгляд, вопреки всему, задержался на ее лице чуть дольше, чем следовало, скользнул по влажным ресницам, спустился к губам, которые едва заметно шевельнулись, но так и не произнесли ничего. Он запоминал ее черты с каким-то мучительным усердием, будто память могла удержать то, чему через несколько минут предстояло исчезнуть. Будто стоило отвести глаза, и она перестала бы существовать еще до того, как он нажмет на спуск.

В этом было что-то отвратительно нежное.

— Знаешь, — начал брюнет.

На таймере оставалось две минуты.

— Гинзберг писал, что есть вещи, которые, однажды полюбив, продолжаешь любить вечно. Даже если пытаешься отпустить.

Последнее слово застряло где-то глубоко в горле, оставив после себя неприятное ощущение, словно он проглотил осколок стекла. Мужчина стиснул челюсть и отвел взгляд в сторону. Вокруг простиралось пустое пространство, укрытое свежим снегом. Ни деревьев, ни домов, ни чужих глаз. Только ветер, забирающий у него последние слова, и фигура, которой некуда было бежать.

— Они, сделав круг, возвращаются к тебе, — произнес он с болезненной усмешкой, пар вырвался из его губ и тут же растворился в метели.

— Я люблю тебя, Кристиан.

Она почти не шевельнула побелевшими губами. Слова вышли едва слышно, надломившись на последнем слоге. Он посмотрел на нее, но, кажется, уже не слышал.

Одна минута.

— Или же разрушают тебя.

Пальцы разжались прежде, чем он успел это осознать. Пистолет с глухим хрустом провалился в снег. Кристиан еще несколько секунд стоял, глядя в одну точку, словно ждал, что кто-то вернет ему возможность передумать. Затем коле-

ни подломились, и он упал.

Голова запрокинулась. Серое небо расплывалось перед глазами, белые хлопья ложились на ресницы, таяли у висков, стекали холодными каплями по коже. Он не вытирал их. Ветер рвал полы черного пальто, забирался под воротник, но он больше не пытался укрыться. Холод медленно пробирался под кожу, а он сидел, будто даже собственное тело стало чем-то чужим, оставленным ему по ошибке.

Где-то далеко продолжал работать двигатель. В его глухом, монотонном рычании было что-то до невозможности обыденное. Мир не остановился. Не замолчал. Не сделал ни единого движения навстречу тому, что только что произошло.

Кристиан провел языком по пересохшим губам. Снег растаял на них, оставив привкус воды. Он попытался вдохнуть глубже, но грудь болезненно сжалась, и воздух вышел коротким, неровным выдохом. Мужчина опустил голову. Снежинки продолжали падать ему на затылок, плечи, руки, постепенно скрывая следы, которые они оставили.

Таймер показывал десять секунд.

Он так и не поднялся.